

© О.Ю. Артемова

**Мозаики мировой истории
и глобализирующийся мир.
Некоторые размышления
о книге: Graeber, David &
David Wengrow. The Dawn of
Everything. A New History of
Humanity. New York: Farrar,
Straus and Giroux, 2021.**

Что вы зовете Меня: Господи! Господи! —
и не делаете того, что Я говорю?

Лк. 6:46.

Быть может, если мы пройдемся по славным тропам
мышления наших палеолитических предков, то смо-
жем заново обрести способность соображать, чтобы
исправить тот кошмар, который устроила цивилиза-
ция — пока ехидны не решили выдворить нас и взять
роль хранителей планеты на себя.

Тайсон Янкапорта. Разговоры на песке.¹

Кажется, я не погрешу против истины, если скажу, что не могу припом-
нить другого столь же фундаментального и объемного (736 страниц) труда
по моей специальности, который читала бы с таким же неослабевающим ин-
тересом, с каким я прочла подавляющую часть книги Дэвида Гребера и Дэ-
вида Уэнгроу «The Dawn of Everything. A New History of Humanity. («На заре
всего. Новая история человечества»). Это было — по преимуществу — захва-
тывающее чтение. Подход авторов ко всем классическим вопросам изучения

Артемова Ольга Юрьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. artemova.olga@list.ru <https://orcid.org/0000-0003-0937-6920>

Для цитирования: Артемова О.Ю.. Мозаики мировой истории и глобализирующийся мир. Некоторые размышления о книге: Graeber, David & David Wengrow. The Dawn of Everything. A New History of Humanity. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2021. // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 1. С. 249-264, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/249-264>

¹ *Тайсон Янкапорта* – австралийский писатель, имеющий коренных австралийцев среди своих предков и усыновленный одной из семей аборигенов Кейп-Йорка (фамилия Янкапорта распространена среди представителей этнокультурной общности вик-мункан).

социальной эволюции вызывающе, чтобы не сказать нарочито, оригинален, необычен и в немалой мере амбициозен. Но при этом неортодоксальные или даже провокационные утверждения в большинстве своем подкрепляются обширным фактическим материалом, излагаемым в стиле, который я бы назвала научно-детективным, причем весьма искусно применяемым. Авторы сначала заявляют, что привычные представления о чем-то, скажем, о происхождении государства в Древнем Египте, абсолютно ошибочны, на самом деле все было как раз наоборот. Это интригует. Однако, прочитав подобное, думаешь: «ну, не знаю...», в лучшем случае — «ну, допустим, и куда же это поведет?» А далее в тексте следует каскад эмпирических сведений — ярких, впечатляющих, красиво, энергично, напористо представленных, остроумно интерпретированных и изобретательно выстроенных логически, так что, добравшись до конца того или иного сюжета, невольно говоришь себе: «А, пожалуй, они правы!».

Главное, в чем они, Гребер и Уэнгроу, правы — это в том, что на всю мировую историю человечества пора уже — во второй декаде XXI в. — *начинать* смотреть в совершенно иной парадигме, чем это делалось в европейской (и североамериканской) научной традиции, идущей от философов XVII–XVIII вв. В какой бы ультрасовременной форме ни велись их изыскания и рассуждения, авторы, работающие в русле этой традиции, никак не могут — эксплицитно или имплицитно, но в конечном счете всегда — уйти от мировоззренческой оппозиции, приписываемой Гоббсу и Руссо, но на деле далекой (доказательству этого Гребер и Уэнгроу посвятили немало страниц в книге) от оригинальных штудий двух знаменитых ученых мужей: человечество или общество, мыслимое весьма абстрактно, отвлеченно, общо, шло на протяжении истории от идиллии к бедствиям и хаосу современного мира, либо наоборот — от хаоса и «войны всех против всех» к установлению более или менее разумного социального порядка или, хотя бы, к надежде, что разумный порядок в конце концов установится. Но невозможно вычленив в движении народов по дорогам мировой истории некий общий вектор. Но нет и не было и не может быть, утверждают создатели рецензируемой книги, никакого человечества вообще. *Общества* или *общество* — это тоже чисто кабинетная условность. Была и есть мозаика великого множества более или менее долговременных экспериментов социокультурного творчества (С.117 et passim), ставившихся в процессе осознанной деятельности великого множества кооперировавших усилия индивидуальных интеллектов и личных волей; экспериментов, проводившихся по великому множеству разнонаправленных траекторий, носивших нелинейный характер и не имевших каких-либо объективных детерминант.

Конечно, идеи многолинейности или вообще нелинейности социальной эволюции многократно высказывались до Гребера и Уэнгроу. И все же приверженцы таких идей — те же неэволюционисты (Л. Уайт, Дж. Стюарт, М. Фрид, Э. Сэрвис, М. Салинс, а позднее Р. Карнейро, Г. Классен, П. Скальник и др.) декларируя их, если так можно выразиться, мировоззренчески, на деле всегда стремились создать претендующую на глобальность концепцию, в которой динамика всемирного социального «движения во времени» подводилась бы под один или хотя бы несколько общих знаменателей, поддающихся научному формулированию, и в которой выводились бы если не универсальные законы, или, по выражению Гребера и Уэнгроу, «абстрактные законы, понятные европейским ученым, но почему-то непонятные людям, творившим историю» (С. 107), то хотя бы некие регуляторы социального развития — регуляторы,

как бы внешние по отношению к субъектам деятельности, но как бы обуславливающие совокупные результаты этой деятельности и ведущие ее субъектов в некоем «объективно» заданном, или же предопределенном некими «объективными» факторами направлении. Попытки создания таких концепций — игра с негодными средствами, обреченная на провал. Да и кроме того, подобные теории представляют человеческое прошлое безнадежно скучным, утверждают Гребер и Уэнгроу. Мы должны, настаивают они, смотреть на все процессы социальной эволюции «другими глазами». Но как? Ведь «подавляющая часть человеческой истории безвозвратно потеряна для нас» (С. 15).

Прежде всего, принципиально важно, что «другой взгляд» выработывался в многолетнем и чуть ли не повседневном *диалоге* между профессиональными *антропологом* и *археологом*. Оба имели за плечами солидный опыт фундаментальных исследований, основанных на самостоятельно добытом эмпирическом материале, и опубликовали ранее немалое число трудов теоретического свойства. Оба завоевали огромный авторитет в международной научной среде яркими и неординарными работами. Пожалуй, они даже вошли в число самых «модных» участников современного международного гуманитарного дискурса. Дэвид Гребер был не только антропологом (он родился в США, начинал научную деятельность под руководством Маршалла Салинса, вел полевые исследования на Мадагаскаре, в последние годы жизни работал в Лондонской школе экономики), но и чрезвычайно эрудированным историком, а также общественным, политическим деятелем, интеллектуалом-публицистом с «левыми», социалистическими, взглядами и приверженностью анархической политической доктрине (две книги Д. Гребера вышли на русском языке. См.: *Гребер* 2014; *Гребер* 2015). По словам Д. Уэнгроу, Гребер «стремился жить в соответствии со своими идеалами социальной справедливости и свободы» (Там же). Рецензируемая книга носит отчетливый отпечаток этих идеалов. «Нет сомнений, что что-то пошло катастрофически неправильно в этом мире», — пишут авторы (С. 87). Было ли это неизбежно? Можно ли с этим теперь что-то поделать? — спрашивают они.

Дэвид Уэнгроу — британский археолог, ведущий раскопки в Северной Африке и на Ближнем Востоке, изучавший происхождение письменности и древних цивилизаций, историк искусства и писатель (он получил также и филологическое образование).

Книгу «На заре всего. Новая история человечества» Гребер и Уэнгроу писали более 10 лет. Причем очень важно — в сущности это залог успеха — что они не были связаны никакими сроками. Работали над этой книгой столько времени, сколь им требовалось, ни и перед кем не отчитывались, никуда не спешили. Д. Гребер умер через три недели после того, как соавторы сочили свой труд завершённым (2 сентября 2020 г. в возрасте 59 лет). В тот знаменательный день, когда была поставлена последняя точка, он сказал, вольно цитируя знаменитого рок-музыканта Джима Моррисона: «Мой мозг оцепенел от изумления». Не случайно. В книге есть что-то титаническое. Кажется, она силится решить задачи, непосильные для человеческого ума, пусть даже и для двух исключительно талантливых умов.

Отрицанию «абстрактных законов социальной эволюции», универсальных уровней и стадий социального развития, которые якобы должны пройти

все участники мирового исторического процесса; отрицанию объективных факторов, предопределяющих движение обществ или культур по неким, если и не универсально направленным, то все же соотносимо направленным траекториям — отрицанию всего этого можно противопоставить только достоверный фактический материал, отражающий события, происходившие по всей Ойкумене, начиная от первых этапов ее формирования до настоящего времени. Но это абсолютно невыполнимо не только из-за недостатка информации, но и потому, что имеющуюся информацию не под силу проанализировать никому, даже если вообразить специально созданный мощный коллектив профессионалов экстракласса, соединивших достижения множества наук.

Как ни мало мы знаем о том, что происходило на Земле, пока не было письменной истории, все же накопленный к настоящему времени археологический материал необъятен, и сопровождают его неисчислимы базы палеоантропологических, палеозоологических, палеоботанических и иных «палеоестественнонаучных» данных, изученных сонмами специалистов. Нечего уж и говорить о письменных памятниках мировой истории, об этнографических наблюдениях, сделанных в разных уголках земного шара, и о работе теоретической мысли историков, философов, социологов и антропологов всех времен и народов.

Как же выплыть в этом безбрежном океане знаний двоим бунтарям, задумавшим «изменить весь ход человеческой истории (по крайней мере в той ее части, которая уже случилась)»²?

Они поступают следующим образом: выбирают несколько тем, которые можно назвать классическими в археологических, этнографических/социоантропологических, реже исторических и экономических, студиях, посвященных ранним этапам социальной эволюции. Часто эти темы формулировались и порой до сих пор формулируются с помощью слова «происхождение» (origin): происхождение социального неравенства, частной собственности, государства, производящего хозяйства (земледелия и животноводства), городской жизни, цивилизации, рабства и рабовладения, религии, искусства, письменности и т. д. Авторы рецензируемой книги в основном ограничиваются социальным неравенством, городской жизнью, государством и цивилизацией. По каждой из этих тем в обширной предшествующей литературе имеется то, что авторы называют «устоявшимися мнениями» или «расхожими истинами» (conventional wisdom), или «привычными рассказами» (the stories we've become used to), которым они и пытаются «бросить вызов» на протяжении всего изложения (the conventional wisdom we've been challenging throughout this book). Прежде всего они стремятся проследить, как каждая из таких «истин» сформировалась в научном дискурсе, далее — сопоставить ее с новейшими, преимущественно археологическими, подкрепленными естественнонаучными, данными, которым потом ищут (и порой находят) этнографические аналогии. И те и другие, как убеждены авторы, показывают, что сплошь и рядом ложной, вводящей в заблуждение была сама постановка вопроса или проблемы. Нужно ставить проблемы иначе, нужно задавать «другие вопросы». Скажем,

² How to Change the Course of Human History (at Least, the Part That's Already Happened). Так озаглавлена небольшая, популярная, но весьма вызывающе или даже провокационно написанная статья Уэнгроу и Гребера, которую они опубликовали в 2018 г. (Wengrow, Graeber 2018). В ней нашли отражения некоторые из центральных положений рецензируемой книги.

настоящей загадкой является не то, когда впервые появились вожди, короли и королевы, а то, когда стало невозможным их просто высмеять и не попасть под суд (С. 141). Правильно спрашивать не как произошло социальное неравенство, а как — это один из главных «других вопросов» авторов, возможно, самый главный — мы, современные цивилизованные европейцы и американцы, оказались в такой «ловушке», в таких «жестоких тисках» ('how did we get stuck?'), да еще загнали и продолжаем загаскивать в эту ловушку остальной мир, в котором люди долго — очень и очень долго шли иными путями.

Помимо археологических и этнографических данных по Евразии и обеим Америкам — от верхнего палеолита до Нового или даже Новейшего времени — авторы привлекают порой самые неожиданные материалы в поддержку своим утверждениям или предположениям: биографии ученых, истории создания их книг, истории рождения и судьбы идей или понятий, философские и теологические трактаты, мифы разных времен и народов, эпические сказания и т.д. и т.п. Подчас почти из небытия извлекаются публикации или даже неопубликованные источники, забытые имена и труды... Как хорошо, как умно писал Клод Леви-Стросс о лидерах намбиквара в мало кому известной статье, которую он опубликовал до того, как возглавил всемирный поход за бинарными оппозициями! Как случилось, что разошлись научные и жизненные пути Франца Боаса и его ученика Кларка Уисслера, что делал Маршалл Салинс в Париже во время студенческих волнений конца 1960-х годов и как этот опыт сказался на его концепции «общества первоначального изобилия», каким образом иезуитские миссионеры, писавшие об американских индейцах, способствовали внедрению идей равенства, братства и свободы в интеллектуальную среду предреволюционной Франции и многое, многое другое... Аттракцион невиданной эрудированности! И все в прямой связи с обсуждаемыми проблемами. Все к месту.

Особого упоминания заслуживают хлесткие, остроумные и порой даже задиристые заголовки глав и разделов: «Почему эта книга не изучает происхождение социального неравенства», «Разморозим ледниковую эпоху!», «Поставим социальную эволюцию с ног на голову», «Прощай, детство человечества!», «Нечестивая свобода», «Почему у государства не было происхождения» и другие в том же духе. Забавляют, а подчас и веселят разбросанные по всему тексту фразы типа «отсутствие воображения — это еще не аргумент» (по поводу некоторых интерпретаций археологических данных предшественниками); «быть или не быть земледельцами — вот вопрос, который они сами решили» (об охотниках, сознательно не перешедших к производящему хозяйству) и др.

В рецензии, конечно, невозможно даже бегло охарактеризовать хотя бы только самые главные положения и идеи (тем более их обоснования — эмпирический материал) такой большой книги. Остановимся лишь на некоторых.

Наши далекие предки, да и вообще все достигшие взрослого возраста жители планеты в дописьменную эпоху в интеллектуальном и эмоциональном отношениях были ничуть не менее зрелыми людьми, чем мы сегодня, и многие способы и виды социального взаимодействия, которыми мы пользуемся теперь, они создали на самых ранних этапах мировой истории. Ошибочно пытаться реконструировать или просто вообразить некое исходное состояние

или исходную ситуацию, из которой постепенно развилось все многообразие известных нам форм социальной жизни и «конфигураций культур». Археология свидетельствует, что уже двести, а то и более, тысяч лет тому назад люди современного вида населяли разные районы Африки — от территории современных Марокко и Алжира до южных областей современной ЮАР — и уже тогда разнообразные экологические ниши и совместное творчество индивидов с разными интеллектуальными и волевыми возможностями вели разные человеческие сообщества в разных направлениях и к разным культурным достижениям. Причем люди с самой глубокой древности сознательно экспериментировали не только с хозяйственными занятиями и природными материалами, но и с организацией социальной жизни; рефлексировали по поводу того, что влекут за собой те или иные организационные приемы и стремились их разумно корректировать. Нередко, считают авторы рецензируемой книги, это им удавалось.

О том, что социальное равенство не было имманентно присуще древнейшим человеческим сообществам, к концу второго десятилетия XXI в. антропологи, этологи, археологи и этнологи вроде бы договорились. Они согласились также на том, что склонность к построению иерархических отношений должна была быть унаследована людьми современного вида от досапиентных предков (см., например, *Butovskaya* 2020: 13–26). Но они никак не могут договориться о том, что понимать под терминами «равенство» или «эгалитаризм» и дают им самые разные толкования. Гребер и Уэнгроу сначала, в первых разделах книги, проанализировав множество имеющихся в литературе определений, предлагают вообще отказаться от этих терминов и от попыток прояснить их значение. Взамен, думают они, рационально было бы пользоваться понятиями «свобода», или «свободы» и утверждают при этом, что древнейшим людям имманентно были присущи три основные вида свободы или свободы: свобода передвижения, свобода взаимодействия с себе подобными и свобода не выполнять ничьих указаний. Как, когда и где утрачивались эти свободы на протяжении всемирной истории, в частности, как они были утрачены людьми современной евроамериканской культуры — вот чем, казалось бы, более всего озабочены Гребер и Уэнгроу. Главное, подчеркивают они, понять, каков «механизм» этой утраты, как люди «отдавали» свои свободы, как они могли «пойти на это»? На протяжении всей книги авторы многократно повторяют подобные вопросы, а в самом конце признаются, что пока еще мало что могут сказать в ответ на них. Это разочаровывает и огорчает, во всяком случае такого наивного и доверчивого читателя, как автор настоящей рецензии. Возможно, из-за нехватки чувства юмора.

Как ни дурны и ни неопределимы термины «равенство» и «эгалитарность», все же без них Гребер и Уэнгроу обойтись не могут, и далеко не самые слабые страницы их текста буквально испещрены этими словами, с ними связываются реальные явления социальной жизни. Имплицитно Гребер и Уэнгроу имеют в виду под *эгалитаризмом* или *эгалитарностью* одинаковой доступ людей к материальным ценностям и знаниям, одинаковые возможности для волеизъявления и социальных контактов. С этим трудно не согласиться, но возражения вызывают формулировки типа «высоко эгалитарные общества», «крепкий эгалитаризм», «почти эгалитарные отношения» (*highly egalitarian, robustly egalitarian, nearly egalitarian*), Равенство либо есть, либо его нет, у него нет и не может быть степеней сравнения, это только в знаменитом

романе Оруэлла некоторые свиньи были «равнее других». А вот неравенство имеет степени сравнения, оно может быть более или менее ярко выраженным, более или менее жестко структурированным и т.п. Мне уже не раз доводилось довольно резко высказываться — в том числе в солидных изданиях, в том числе и на английском языке (например, *Artemova* 2016, 2020) — против «большей или меньшей эгалитарности», о которых почему-то часто пишут коллеги.

В отличие от ряда видных современных археологов и антропологов (например, *Sassaman* 2004; *Finlayson et al.* 2011; *Finlayson* 2020, *Warren* 2015; 2018), Гребер и Уэнгроу считают, что пользование этнографическими аналогиями для реконструкции доисторических явлений и процессов не только оправдано, но и необходимо: к примеру, культуры охотников и собирателей, излучавшиеся этнографически, конечно, исторически недавние явления, их нельзя «мысленно опрокинуть» в далекое прошлое, но их изучение все же показывает, какие человеческие отношения в принципе возможны при таком способе жизнеобеспечения. Лучший специалист по африканским охотникам и собирателям, Джеймс Вудберн, убедительно показал, пишут Гребер и Уэнгроу, что такие народы, как хадза или бушмены дзу-хоанси, действительно имели «эгалитарные отношения». А это значит, что эгалитаризм мог формироваться и наверняка формировался и в разных частях доисторической Ойкумены. Он создавался и уничтожался во множестве сообществ в разные времена, в разных частях мира. Приемы «социального выравнивания», считают авторы, были разработаны людьми в самые отдаленные эпохи. Но наряду с эгалитарными обществами, должны были при охоте и собирательстве существовать и неэгалитарные, причем с разными формами структурирования неравенства. Люди шли разными путями, и никто «не указывал им пунктов назначения»³. Тому авторы книги ищут и находят многочисленные подтверждения в археологии евразийского и американских континентов. Однако они настаивают, что приведенная «бинарная оппозиция», (эгалитарность — неэгалитарность) ослепляет нас, сковывает наше мышление и упрощает, обедняет наши представления о древних социальных структурах и формах человеческого взаимодействия. В частности, они доказывают, что в разные сезоны года в разных экологических нишах людям требовались разные стратегии взаимодействия, и одни и те же сообщества могли как бы осциллировать между периодами «выравнивания» и периодами «иерархичности», причем в последнем случае даже в условиях присваивающего хозяйства могли складываться структуры, подобные государственным. Приводятся примеры из африканской, северо- и южноамериканских этнографий и делаются попытки найти соответствия в археологических данных.

Но главный «конек» авторов рецензируемой книги связан с проблемой размеров сообществ или «социальных пространств», в рамках которых шли эволюционные процессы. Принято думать, пишут они, что на протяжении всего охотничье-собирательского периода мировой истории люди жили небольшими группами, «бэндами», что низкие демографические показатели как раз и были условием формирования эгалитарных отношений в некоторых культурах и что с ростом численности сообществ, к чему вело развитие производящего хозяйства, социальное неравенство, в частности имущественная дифференциация,

³ Гребер и Уэнгроу проводят ту же мысль в более развернутой форме, для краткости я употребила собственную формулировку, которой не раз пользовалась в прежних публикациях.

бюрократические и властные структуры с монополией на насилие, возникали неизбежно. Особенно всему этому, принято думать, способствовали нужды ирригации. Гребер и Уэнгроу с такой концепцией совершенно не согласны. Прежде всего, они доказывают, причем весьма убедительно, как мне кажется, что и для излучавшихся этнографически, и, в особенности, для древних охотников, оставивших археологические памятники в Евразии и обеих Америках, были характерны весьма широкие сети социального взаимодействия, при этом оно осуществлялось на огромных пространствах между многими тысячами людей, так что деревенская, а потом и городская жизнь ранних земледельцев и животноводов не явилась чем-то абсолютно новым в демографическом отношении и совсем не обязательно должна была влечь за собой формирование организационных структур, стратифицировавших общества и устанавливавших отношения субординации, а также — неравноценное распределение общественного прибавочного продукта. Просто ранее раскиданные по огромным пространствам люди, ведущие мобильную жизнь, стали оседать и сосредотачиваться на ограниченных территориях.

Кроме того, всевозможные формы стратификации, эксплуатация человека человеком, рабство и рабовладение, деспотические властные институты могли развиваться и при присваивающем хозяйстве, о чем мы знаем, скажем, из этнографии индейцев северо-западного побережья Северной Америки. О том же свидетельствуют археологические данные, относящиеся к некоторым донеолитическим культурам Ближнего Востока или Мезоамерики. Наконец, и это важнее всего для Гребера и Уэнгроу, раскопано, настаивают они, немало крупных раннеземледельческих поселений, огромных деревень или даже больших городов, имевших некогда многие тысячи жителей, где не обнаруживаются и те признаки социальной стратификации и властных институтов, которые прослеживаются археологически у предшествующего доземледельческого населения. Получается, что с развитием оседлой деревенской и городской жизни в ряде регионов мира происходила даже некая «эгалитаризация» социальных отношений.

«Высоко эгалитарными» или «крепко эгалитарными» Гребер и Уэнгроу именуют урбанизированные поселения древнего Убеида в Месопотамии, трипольской культуры на Украине, древних цивилизаций долины Инда, некоторых древнемексиканских, южноамериканских культур и др. Города с изощренными гражданскими инфраструктурами процветали на протяжении более чем полумиллиона лет без всякого следа монарших погребений или памятников властителям, регулярных армий или каких-то иных систем массового принуждения, либо бюрократического контроля над жизнью горожан. Без сколько-нибудь очевидных признаков имущественной дифференции в жилой застройке и захоронениях.

Разделы, посвященные «эгалитарным» городам и цивилизациям без государств, монархий, бюрократических властных институтов и средств насильственного подчинения граждан были особенно дороги Дэвиду Греберу в силу его приверженности анархической доктрине и социалистическим идеалам, разделяемым, конечно же, и его соавтором: раз такое возможно было в прошлом, не исключено оно и в будущем, в том числе и в обществах с высокими демографическими показателями и самыми передовыми технологиями. Можно пользоваться всеми достижениями современных лидирующих культур,

жить в крупных сообществах, в мегаполисах и при этом иметь справедливые социальные самоорганизующиеся системы, в которых нет ни принуждения, ни насилия. Наконец, отрадно хотя бы сознавать, что были у человечества когда-то и иные пути, и иные возможности, чем те, которые реализовались в современном глобализирующемся мире. В последних разделах книги соавторы так ярко и красочно изображают замечательную жизнь в эгалитарных индейских поселениях, существовавших сотни лет назад — часть из которых якобы прежде переживала деспотические режимы, возможно, уничтожавшиеся путем народных Революций (с большой буквы) — как будто им самим каким-то чудом удалось все это наблюдать. Невольно хочется сказать: «не только отсутствие воображения — не аргумент, но и чересчур буйное воображение — тоже не аргумент»! Под конец книги это становится однообразным и, на мой вкус, скучным.

Примечательно, что Гребер и Уэнгроу не приводят этнографических аналогов древним, эгалитарным и анархическим (по их мнению), цивилизациям. Первое, что я бы сделала на их месте — обратилась бы к материалам по традиционной социальной организации хопи и зуни, чьи поселения и другие черты материальной культуры во многом перекликаются, скажем, с трипольскими или анаускими (разница в конфигурации построек объясняется, по-моему, различиями между горным и равнинным ландшафтами). Но авторы книги лишь однажды упоминают эти народы, в иной связи. Можно высказать догадку: потому, что социальная структура и социальная жизнь юго-западных американских пуэбло не были эгалитарными и анархическими, хотя они и обладали устойчивыми навыками того, что можно было бы назвать, за неимением лучшего, демократической организационной культурой, а также мирного разрешения конфликтов и следования гуманистическим ценностям в повседневном общении.

В целом, приводимые в рецензируемой книге доказательства «анархичности» и «эгалитарности» городских цивилизаций древности представляются недостаточно убедительными. Согласно той логике, которой следуют авторы, любые развалины солдатской казармы продемонстрируют нам образец эгалитарных отношений между их прежними обитателями, хотя мы знаем, что системы армейской субординации всегда почти являют собой квинтэссенцию неравенства. Далеко не все формы социальной стратификации и субординации оставляют археологические свидетельства. В других публикациях мне доводилось писать об этом подробнее, и особое внимание было уделено *монополизации социально значимой информации замкнутыми корпорациями* — как одному из мощных средств структурирования социального неравенства в самые разные эпохи и в самых разных культурах мира (например, Артемова 2009, Артемова 2016 и др.). И это только один из частных случаев структурирования социальной дифференциации, не оставляющих «археологических следов».

Как писал Кеннет Эмес, археологи обычно принимают отсутствие свидетельств о сложившемся неравенстве за свидетельства о равенстве. Таким образом, археология эгалитаризма оказывается основанной на негативных показателях (Ames 2010b: 35; см. также Ames 2010a), а приписываемый тем или иным исчезнувшим обществам эгалитаризм — элитаризмом «по умолчанию» ('by default', ср. Finlayson 2020: 29).

Тем не менее, поступающие из самых разных районов мира археологические данные о древних городских или крупных деревенских поселениях, в которых не обнаруживаются признаки поляризации имущественных статусов жителей, развалины «дворцов», «ратуш» или мощных храмовых сооружений, а обнаруживаются свидетельства длительного время существовавших созидательных, творческих, комфортных (с умеренным материальным достатком) — а, главное, *мирных* — крестьянской, а также ремесленной, форм жизнедеятельности, представляют огромный теоретический интерес для социальных антропологов и ждут дальнейших пристальных исследований.

Помимо сказанного, книга Гребера и Уэнгроу содержит оригинальный и весьма перспективный анализ немалого числа иных теоретических проблем. Это и рассмотрение разнообразных обстоятельств, а также путей неолитизации в ряде районов мира; изучение примеров того, как люди, объединенные в крупные сообщества или составлявшие целые кластеры крупных сообществ — «культурные ареалы» (американские аналоги «историко-этнографических областей» М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова) — сознательно и упорно отвергали производящее хозяйство или подавляли в зародыше деспотические устремления представителей управленческих структур («не допускали у себя» государствовподобных институтов); это и попытки развития идущих от Грегори Бейтсона идей о роли так называемого схимогенеза⁴ в процессах складывания этнического и надэтнического (ареального) культурного своеобразия; это и интереснейший призыв к ученым осуществить «официальный развод» между понятиями «государство» и «цивилизация», потому что называемые этими словами феномены отнюдь не всегда развивались одновременно и сосуществовали: второй, упрощенно говоря — благо, несущее людям высокие идеалы взаимопомощи, умеренные достаток и комфорт, изощренную художественную культуру, письменность и научные знания, а первый — зло, сопровождаемое подавлением имманентных человеку свобод, угнетением одних людей другими, репрессиями по отношению к «своим» и агрессией по отношению к «чужим», захватническими кровопролитными войнами на обширных территориях, порабощением соседствующего, и не только, населения и т.п.. Очень удачной представляется глава, где авторы книги рассматривают разные варианты формирования политических структур, которые они предпочитают не называть государствами.

Автору этой рецензии, как специалисту по этнографии охотников и собирателей, среди прочего, весьма импонируют последовательные возражения Гребера и Уэнгроу против широко распространенного у социальных антропологов и этноархеологов («антропологических археологов» или «археологических антропологов»?) деления культур охотников и собирателей на «простые» и «сложные». Во-первых потому что, скажем, приемы социального выравнивания и навыки миролюбивого взаимодействия у хадза или бушменов представляют собой явления ничуть не меньшей организационной «сложности», чем вождеские структуры и престижная экономика квакиютль или цимшиан, а во-вторых — потому что те социальные характеристики, которые часто рассматриваются как признаки движения «сложных» охотников (тех же индейцев северо-западного побережья Северной Америки) в направлении государствен-

⁴ Схимогенез — происхождение различий, здесь имеются в виду культурные различия как дифференцирующий инструмент: соседствующие социальные общности осознанно противопоставляют себя друг другу, каждая стремится развить и укрепить то, что отличает ее от другой.

ности и классовых отношений, на деле отнюдь таковыми не являются, а лишь свидетельствуют об особом пути эволюции, неизвестно куда бы привели, не случись европейских колониционных процессов. Да и вообще неправильно, настаивают авторы книги, видеть в степени иерархизации социальных отношений критерий поступательного развития культуры. Как можно доказать, что империя инков в культурном отношении была «сложнее» убейдских городских или протогородских конгломератов? Нет и не может быть никакой единой шкалы «уровней общественного развития».

Все вышесказанное не значит, однако, что Гребер и Уэнгроу, подобно Р. Бенедикт, А. Креберу, Р. Лоуи, П. Радину, М. Херсковичу и целому ряду других исследователей, считают, что в сфере социальных явлений — в отличие от сфер физических и биологических явлений — любые попытки систематической проверки существующих обобщений или создания и верификации новых бессмысленны или, как некогда выразился П. Радин, похожи на желание «достать луну с неба» (цит. по: *Radcliffe-Brown* 1935). Ссылаясь на слова Лоуи об «этом бессистемном наборе всякой всячины, об этой вещи, составленной из клочков и обрывков и именуемой цивилизацией», А. Рэдклифф-Браун назвал такую позицию эволюционной теорией «клочков и обрывков» (*Lowie* 1920: 441; *Radcliffe-Brown* 1935). А вот как подобную же точку зрения сформулировала Р. Бенедикт: «... человек строит свою культуру из разрозненных элементов, комбинируя и перекомбинируя их, и до тех пор, пока мы не отбросим предрассудок о том, что результатом этого строительства является функционально согласованный организм, мы не сможем ни видеть нашу культурную жизнь в истинном свете, ни контролировать ее проявления» (*Benedict* 1923: 84).

Теоретические позиции Гребера и Уэнгроу никак не заслуживают метафоры «клочков и обрывков». В таких разделах книги, как «Почему у государства не было происхождения», они убедительно показывают, что при всем многообразии властных институтов, изобретенных в ходе коллективного политического творчества разных времен и народов, число их вариантов не безгранично. И авторы выделяют факторы, которые ограничивают набор способов и средств организации власти, позволяют исследователям упорядочивать и классифицировать имеющиеся образцы (паттерны) и выявлять определенные корреляции (ни в коем случае не математические) или, лучше сказать «сцепления», «спайки», между формами и способами управления, с одной стороны, и экологическими условиями, исторически сложившимися особенностями жизнеобеспечения, идеологическими представлениями, религиозными системами и иными характеристиками рассматриваемых культур, с другой. Эта глава, как представляется, написана в лучших традициях структурно-функционального анализа, идущих от Альфреда Рэдклиффа Брауна, которого в англоязычной социальной антропологии в 1970–1990-е годы не бранили только самые ленивые. Да и в других разделах книги Гребер и Уэнгроу показывают, что эволюционные выборы у человеческих сообществ были многочисленны и разнообразны, но не бесконечны и не безграничны, и именно с этим сопряжены, мне кажется, хорошие перспективы у тех, кто интересуется общей теорией социальной эволюции.

В 2022 г. В Дублине (Ирландия) состоялась очередная, XIII Международная конференция по изучению культур охотников и собирателей (CHAGS

XIII), на которой Джером Льюис организовал секцию, посвященную обсуждению рецензируемой книги. Секция так и назвалась: «На заре всего». Автору рецензии, к сожалению, не удалось поучаствовать в этом чрезвычайно привлекательном для нее событии, так как организаторы конференции потребовали, чтобы потенциальные российские участники отказались от аффилиации с Российской академией наук или российскими государственными научными фондами, а выступали, так сказать, в качестве индивидов-фрилансеров. Потенциальные российские участники предпочли не ехать в Ирландию. Но что если наше отечественное академическое сообщество устроит собственный симпозиум, на котором профессионалы смогут высказаться об интересующих их проблемах из числа поднятых Гребером и Уэнгроу и, возможно, сделать некоторые критические замечания по поводу исследовательской логики этих авторов и их аналитических подходов к фактическим материалам? У меня накопилось определенное количество таких замечаний, но они требуют отдельного обстоятельного разговора. Здесь же попытаюсь сформулировать только два главных упрека.

Протянув в качестве красной нити через всю свою книгу вопрос «как же мы попали в такую ловушку?», Гребер и Уэнгроу на удивление мало уделяют внимания роли личности, вернее сказать, определенных личностных качеств людей, проявившихся, несомненно, во все времена и во всех уголках мира на путях эволюции человеческих сообществ, а также — влиянию того, что можно было бы условно назвать, социально-психологическим климатом социумов. Ведь, как мы помним, один из центральных посылов книги заключается в том, что те, кто творили историю в далекой древности, были ничуть не менее эмоционально и интеллектуально зрелыми людьми, чем мы теперь. Авторы много пишут об их творческом потенциале, изобретательности, упорстве, трудолюбии и т.п. Но не пишут о таких личностных проявлениях (а они неизбежно должны были иметь место), как эгоистические устремления, жадность, страсть к наживе, стяжательство, властолюбие, деспотизм, тщеславие, честолюбие, жажда славы, а также о том, как общества в целом реагировали на такие проявления, о том, какое место и какие оценки все это получало в моральной идеологии, которая всегда шире и сложнее, чем идеология религиозная (о ней авторы иногда пишут).

Конечно, источники далеко не всегда позволяют нам рассуждать об этом, но порой все же позволяют, а кроме того, у нас имеются этнографические аналогии. Именно они позволили, скажем, Брайану Хэйдену (например, *Hayden* 1998, 2014; на него авторы книги ссылаются, но в иной связи), развить концепцию, согласно которой и формирование социального неравенства, и технологический прогресс, и наращивание объемов производства материальных благ во многих случаях, в частности — у натифийцев и их потомков на Ближнем Востоке, было связано с деятельностью так называемых агрардайзеров, буквально «преумножателей», людей целенаправленно, настойчиво и весьма творчески создававших себе личные или семейные, последовательно превращавшиеся в наследственные, «капиталы» — как материального, так и политического, престижного свойства. В некоторых обществах и в некоторые периоды господствующие идеологии противились деятельности таких людей (о чем очень выразительно писал среди прочих Кристофер Боэм (*Bohem* 1993, 1999, 2012; его работы Гребер и Уэнгроу цитируют, но тоже в другой связи), а в некоторых — нет, в некоторых же — всемерно поощряли и превозносили.

Нет возможности судить о том, каковы были моральные идеологии в самых ранних городских или протогородских цивилизациях Месопотамии, которыми так восхищаются Гребер и Уэнгроу, но уже самые ранние письменные памятники Шумера показывают, как далеко зашло поклонение Золотому Тельцу и власть имущим в его культуре⁵. А ведь все мы «вышли из натуфийцев», как из гоголевской шинели, и тот текущий у нас на глазах процесс всемирной глобализации под эгидой бесконечно наращивающих свою финансовую мощь монополий и корпораций, который так отвратителен Греберу, Уэнгроу и множеству их единомышленников, включая автора этих строк, берет свое начало в раннем голоцене, когда вслед за натуфийцами их потомки, обитатели местонахождений докерамического неолита А, В и С, погрузились в хозяйственную деятельность, в наращивание производственных мощностей, в селекцию и доместикацию природных видов, в строительство все более совершенных и крепких жилищ и общественных сооружений, в создание всевозможных материальных парафеналий культового назначения и в неустанные поиски все новых и новых возможностей для преумножения и усовершенствования того, что уже имелось в немалом объеме (см. например: Zeder 2011). И именно стремлению к новым материальным возможностям, а не только демографическому росту и давлению на ресурсы, следует хотя бы отчасти приписывать интенсивные колонизационные движения ранних земледельцев из Благодатного Полумесяца во все стороны: в Малую Азию, на острова Средиземного и Эгейского морей, в Индию, в Европу и так дальше и дальше (Bellwood 2011; Özdoğan 2011; Rowley-Conwy 2011; Bar-Yosef 2017). Я уж не говорю о побудительных мотивах тех, кто инициировал и возглавлял колонизационные процессы Нового Времени.

Удивительно, что Гребер и Уэнгроу совершенно проигнорировали сходную по содержанию и охвату проблем книгу Лайонела Тайгера «Мануфактура зла» (1987), не менее впечатляющую и провокационную, хоть и менее нашумевшую, чем знаменитые «Мужчины в группах» того же автора (1969). По-видимому, дело не в том, что монография Тайгера вышла несколько десятилетий назад, а в том, что Тайгер, в противоположность авторам рецензируемой книги, видит истоки наших современных бед именно в том, что происходило на Ближнем Востоке на заре неолитизации и, в особенности, на ранних этапах складывания древнейших цивилизаций, потому что именно тогда были заложены *ценностные, идеологические* предпосылки для развития хищнической капиталистической системы, которая захлестнула мир сегодня. Он писал: «было бы до глупости наивно игнорировать ту очевидную роль, которую <...> простая жадность, или жадность сложная и продуманная, сыграла в создании этой системы». А закономерно ли появление ее и развитие? Конечно нет, убежден был Тайгер, «изошренно легализованное и почти полное безумие прикрывает самые невероятные финансовые махинации», основанные на постулате об исторической неизбежности такой системы (Tiger 1987: 75, 85, 103, 109).

Одна из расхожих истин, которые так не любят Гребер и Уэнгроу, гласит, что колесо истории невозможно повернуть вспять, но если «простая жадность, или жадность сложная и продуманная» поставила лидирующую часть

⁵ В данном случае я имею в виду «Цилиндры Гудеа» — пара терракотовых колонок, датируемых 2025 г. до н.э., на которых клинописью был записан древний шумерский миф «Строительство храма Нингуршу» (The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature).

человечества на грань саморазрушения, то, может, «простая умеренность или продуманная умеренность» способна спасти его?

В этой связи всплывает второй упрек авторам рассматриваемой книги. Она написана так, будто в этом мире до них никто не задумывался о том, как «выбраться из ловушки»? А между тем, лучшие умы, я убеждена, нашли рецепт еще в незапамятные времена. Римляне говорили: fuerunt ante Homerum poetae⁶, а после Гомера были древнегреческие стоики, во многом предвосхитившие христианство, были Христос и апостолы, был Кант, были Достоевский, Толстой, Сартр, Уитмен и многие, многие другие, убежденные, что мир изменится, только если люди изменятся. Революционеры всех времен и народов отвергали этот рецепт как наивный и даже смешной, а главное, чрезвычайно трудноосуществимый и не сулящий скорых успехов. Авторам книги о новой истории человечества, видимо, тоже кажется, что он не заслуживает даже упоминаний. Вообще, тема нравственности личности и морального состояния общественного сознания не затрагивается в этой огромной книге. Правильные порядки, «справедливая» система, самоорганизация людей без властей или демократическое разумное управление — этого достаточно. Это могло в какие-то прежние времена или сможет в будущем обеспечить *всем людям* хорошую жизнь, какими бы они ни были. Но вряд ли. Пожалуй, наивно именно думать так.

«Будьте совершенны», и «это все приложится вам». Что «приложится»? Многое, но главное — социально-психологический климат, в котором очень неуютно или просто невозможно существовать аграндайзерам любых мастей. В том, что такое бывает, убеждают и африканские пигмеи, и бушмены, и хайда, и палияр Южной Индии, и батек Малайзии, и, наверное, такие искусные земледельцы и ремесленники, как жители поселений пуэбло на юго-западе Северной Америки. Должны быть и иные этнографические примеры, просто я о них не узнала пока. Ну, а у нас все еще впереди, мы еще даже и не думали начинать самосовершенствоваться и менять социальные ценности.

Сказанное не значит, что я не восхищаюсь книгой Гребера и Уэнгроу, и особенно я восхищаюсь последовательно воплощенным призывом — *Farwell to the Childhood of Man!*

Литература

Гребер Д. Фрагменты анархистской антропологии. Радикальная теория и практика. Москва, 2014.

Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М., 2015.

Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001.

⁶ И до Гомера были поэты (лат.).

- Ames K. M.* On the evolution of the human capacity for inequality and/or egalitarianism // Price T. D., Feinman G. M. (eds.). *Pathways to Power: New Perspectives on the Emergence of Social Inequality. Fundamental Issues in Archaeology.* N.Y.: Springer, 2010a. P. 15–44.
- Ames K. M.* Comment: intergenerational wealth transmission and inequality in premodern societies // *Current Anthropology.* 2010b. No. 51. P. 35–37.
- Artemova O. Yu.* Monopolization of knowledge, social inequality and egalitarianism // *Hunter Gatherer Research.* 2016. No. 2. P. 1–36.
- Bar-Yosef O.* Multiple Origins of Agriculture in Eurasia and Africa // Michel Tibayrenc Francisco J. (ed). *On Human Nature. Biology, Psychology, Ethics, Politics, and Religion.* Ayala. Academic Press, 2017. P. 297–331.
- Bellwood P.* Holocene Population History in the Pacific Region as a Model for Worldwide Food Producer Dispersals // *Current Anthropology.* 2011. No. 52 (4). P. 363–378.
- Benedict R.* The concept of guardian spirit in North America // *Memoirs of the American Anthropological Association.* 1923. № 29.
- Boehm C.* Egalitarian behavior and reverse dominance. *Current Anthropology.* 1993. Vol. 34 (3). P. 227-254.
- Boehm C.* *Hierarchy in the Forest. The Evolution of Egalitarian Behavior.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
- Boehm C.* *Moral Origins: The Evolution of Virtue, Altruism, and Shame.* N.Y.: Basic Books, 2012.
- Butovskaya M. L.* Primates as living links to our past: variations in hierarchy steepness but not real egalitarianism // *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований.* 2002. No. 1. С. 12-26.
- Finlayson B.* Egalitarian societies and the earliest Neolithic of Southwest Asia // *Первобытная археология.* 2020. No. 1. С. 27–43.
- Finlayson B., Mithen S., Smith S.* On the Edge: Southern Levantine Epipalaeolithic–Neolithic Chronological succession // *Levant.* 2011. No. 3(2). P. 127–138.
- Hayden B.* Practical and prestige technologies: the evolution of material systems // *Journal of Archaeological Method and Theory.* 1998. No. 5. P. 1–55.
- Hayden B.* *The Power of Feasts — From Prehistory to the Present.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Lowie R. H.* *Primitive Society.* N.Y.: Boni and Liveright, 1920.
- Özdoğan M.* Archaeological Evidence on the Westward Expansion of Farming Communities from Eastern Anatolia to the Aegean and the Balkans // *Current Anthropology.* 2011. No. 52 (4). P. 415–430.

- Radcliffe-Brown A.R.* On the notion of «function» in social sciences // *American Anthropologist*. 1935. Vol. 37 (3). P. 394-402.
- Rowley-Conwy P.* Westward Ho!: The Spread of Agriculture from Central Europe to the Atlantic // *Current Anthropology*. 2011. Vol 52 (4) P. 431-451.
- Sassaman K. E.* Complex Hunter-Gatherers in Evolutional History: A North American Perspective // *Journal of Archaeological Research*. 2004. No. 12 (3). P. 227–280.
- Tiger L.* The manufacture of evil: ethics, evolution, and the industrial system. N.Y.: Harper & Row, 1987.
- Warren G.* Looking at things anew // *Antiquity*. 2015. No. 89 (346). P. 972–973.
- Warren G.* Analogies and change. Paper presented at CHAGS. 2018. Vol. 12. Penang, Malaysia, July.
- Wengrow D., Graeber D.* How to change the course of human history (at least, the part that’s already happened). *Eurozine*, 2018. 2 March.
- Zeder M. A.* The Origins of Agriculture in the Near East. // *Current Anthropology*. 2011. No. 52(4). P. 221–235.

Book Review

Artemova O. Yu. *Mosaics of world history and the globalizing world. Some reflections on the book: Graeber, David & David Wengrow. The Dawn of Everything. A New History of Humanity. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2021. Anthropologies, 2023, no 1, pp. 249-264, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/249-264>*

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Artemova O. Yu. | artemova.olga@list.ru | <https://orcid.org/0000-0003-0937-6920> | Institute of Ethnology and Anthropology RAS, chief researcher

